

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №10 ГАЗЕТА

Владимир Софиенко / Смотритель реки

95
1927-2022

СОФИЕНКО Владимир Геннадьевич

Родился в 1968 году в г. Темиртау, Республика Казахстан. Прозаик. Автор книг: «Ожидание в две тысячи лет», «Под солнцем цвета киновари», «Смотритель реки», «Жизнь по зёрнышкам. Зарисовки о насущном». Публикации в сборниках и альманахах: «Полдень», «Современная Русская Проза», «Жить!», «Поцелуй Карьялы», «Сначала исчез бумажник. Современные русские рассказы», «Живой Север».

Публиковался в журналах «Север», «Нижний Новгород», «Лёд и пламень», «Петровский мост», «Снегири», «Балтика», «Полдень XXI век», «Фанданго», «Carelia» и др.

Дипломант VI Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Лонг-лист литературной премии «Ясная Поляна», дипломант литературной премии «Золотой витязь», Лонг-лист литературной премии Фазиля Искандера.

Рассказы переведены на финский, армянский, японский языки.

Директор АНО «Петроглиф». Организатор Международного литературного фестиваля «Петроглиф». Член Союза писателей России.

Живет в Карелии.

Торжественная церемония награждения победителей и лауреатов Ежегодной литературной премии партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №10 /1903/ Основана в 1927 г.

Владимир Софиенко

Смотритель реки

Повести и рассказы

В горниле северных ветров

Повесть

1

Вагон просыпался. Снизу доносилось шуршание сумок и полиэтиленовых пакетов, позвякивание бутылок, клацанье стопорных замков полок. Сергей Батько открыл глаза. Он уже давно не спал — надоело. С пересыпу состояние было такое, будто в голове кусок свалывшейся ваты. Плюс к этому духота и спёртый воздух замкнутого пространства тоже сделали свое дело. Сергей не любил себя таким — вялым, разбитым, пустым. Не в его правилах валяться в постели от делать нечего. А, с другой стороны, чем ещё заниматься в поезде? Ешь да спи. Ну, разве ещё поболтать с попутчиками о том да о сём.

Сергей осторожно перевернулся лицом к окну и огляделся. Соседа по верхней полке, майора Ракетных войск в отставке, на месте не оказалось. Идеально ровная простыня, подушка — наполеоновской треуголкой, в ногах — одеяло, свёрнутое походной скаткой шинели, в кармане-сетке выстроены рядком мыльница, тубик зубной пасты «Поморин», чехол от зубной щётки. Скукота, да и только от таких порядков, одно занудство.

Поезд сначала постепенно сбавлял обороты, потом заскрежетал, резко дернулся и совсем встал. За окном показалось приземистое облезлое здание вокзала с названием станции — «Ак-Куль». Милицейская обшарпанная конура, когда-то выкрашенная по чьему-то загадочному умыслу в нелепый розовый цвет, ярким пятном цепляла глаз, лишний раз напоминая, что милиция тут кого-то все-таки бережет. Неоновые огни вывески «АЗЫК, ТУЛИК, ПРОДУКТЫ», оставленной включенной средь бела дня, призывали наведаться в привокзальный магазинчик.

На перроне — толкотня, сутолока, ругань. Милиционеры с отрешённым видом прогуливались вдоль вагонов, сонно постукивая о кирзу «индикаторами перестройки», как в шутку говорили в народе о демократии резиновых дубинок, недавно появившихся в милиции. Увесистыми баулами, допотопными чемоданами, выставленными перед собой, чтобы ни на секунду не потерять из виду свое барахло, будто тракторными отвалами, торопливые пассажиры расчищали перед собой перрон от торговцев и их тележек, заставленных пластиковыми бутылками с кумысом, копчёным жерехом, пакетиками с куртом, варёной картошкой, пирожками. Торговцы наперебой предлагали взмыленным пассажирам товар — трясли перед раскрасневши-

мися лицами пакетами, успевая при этом поругаться между собой. Одним словом, ничего нового.

Батько свесил голову глянуть, кого подселили к ним в плацкартное купе. Молодой казах с рыжлым, одутловатым лицом в джинсах-«варёнках» и лёгкой кожаной куртке наконец уложил клеёнчатые клетчатые баулы, опустил полку. Вслед за ним в проеме оказалась пожилая казашка с мальчиком.

— *Барлық, апа, дүние-мүліктер теңде. Бақытты сізге жолдар. Сәлемді Еркенге, Бауыржанға жұқтыр. На келесі жылды сөзсіз сізді арада қонақтар күтеміз. Еркен сізді ша кел — кездестіреді!*¹, — тяжело дыша после такой ноши, сказал парень.

— *Рақмет, внучок. Бар уже Шыңғыз — енді мен өзі тойлаймын. Да және Сакен егер не көмектеседі. Ол уже жігітпен стал!*², — успокоила его женщина.

Ещё раз попросившись, требовательно прикрикнув «Жол! Жол!»³, Шингыс нырнул против растянувшегося по вагону нескончаемого потока всё прибывающих пассажиров. Толпа недовольно роптала.

Апа еле слышно выдохнула: «Ой, бай!», села рядом с мальчиком лет семи с пухлыми щеками, расцвеченными диатезным румянцем, а потом, чуть поправив на голове зелёный платок, махнула кому-то рукой за окном. Тихо, надеясь не потревожить соседей, женщина затынула заунывный мотив. Вдруг прервалась, словно о чем-то вспомнила, повернулась к мальчику.

— *Жеуболасың, Сакен?*⁴ — спросила она и, не дождавшись ответа, полезла в сумку, стоящую у ног в проходе.

Запахло казами⁵. Женщина огляделась по сторонам, будто ища знакомые лица. Рядом в проходе бойко раскладывали вещи, закидывали наверх сумки, заполняли багажные полки, вниз спускали свёрнутые в рулон пыльные матрасы. Галдәж, суэта — вроде все заняты. Тут, взглянув на верхнюю полку, апа заметила Сергея. Её подкопчённое, покрытое паутиной морщин лицо расплылось в гостеприимной улыбке.

— *Үстелге деген бар, жігіт, қарамастан!*⁶ Айда, ешь! — Она махнула Сергею, приглашая его к столу.

Батько немного колебался. Ответно проставиться он не мог — зачерствелыми пирожками с картошкой, купленными ещё в Караганде, угощать было стыдно, но и отказывать соседке нельзя — можно обидеть. А тут ещё этот запах его любимой домаш-

ней конской колбасы!.. Он легко соскочил с верхней полки и сел за столик напротив новой соседки.

— Айда, давай ешь! — Женщина заботливо подвинула ближе к гостю нарезанные казы и бутылку с кумысом.

Поезд резко дёрнулся, замер и плавно поплыл, постепенно набирая ход. Несколько мгновений — и вот позади остался перрон и попритихшие у своих товаров продавцы.

Апа внимательно разглядывала попутчика.

— Как зовут? — её раскосые глаза лучились искренним любопытством и участием.

— Сергей, — ответил он и, немного смущаясь, отломил кусок от лепёшки.

— Этот поезд что — думает? Три минуты стоит! Када успеть сесть?! — возмущалась она, попутно подсовывая Сергею кусочки колбасы. Вернулся немного запыхавшийся майор. Он положил на стол копчёную рыбину в засаленной бумаге.

— Уф, — выдохнул он, тяжело дыша, — еле успел. Всё, теперь только в Кокчетаве выйду, там хоть стоянка — двадцать минут.

— Вот я и говорю, — оживилась апа, — куда поезд думает? Айда, садись к достархану⁷. — Она благодушно улыбнулась и майору.

С приходом соседа разговор оживился. Оказалось, апа ехала домой, до станции «Щучинск», в Боровое.

— Повезло мне, — лопотала она, — Аллах дал пятерых детей, и в таком месте красивом живу — вах! Моя сестра в Аксае живёт, брат — в бывшей Алексеевке, теперь — Ак-куль. Везде степь. Степь — красиво. Боровое, — она задумалась, будто подбирая русские слова, — очень красиво! — и рассыпалась счастливым молодым смехом.

Сергей вполуха слушал ее, а отрешенный взгляд его плыл по степи, что лентой тянулась за окном.

— Почему загрустил, джигит? — Морщинки у внимательных раскосых глаз залегли в глубокие складочки. — *Туралы қызда ойлайсың?*⁸ — догадалась она.

Апа была права — и про девушку, и про Боровое. Только вспомнилось ему Боровое десять лет назад.

2

С Аней они познакомились там же, в санатории Борового, известного в Казахстане курорта. Он подающий надежды пловец, она уже с именем, мастер спорта по лёгкой атлетике. Оба приехали в составе своих сборных на короткий отдых восстановиться после утомительного летнего сезона соревнований. Это был их последний вечер отдыха перед сборами.

¹ Всё, апа, вещи уложены. Счастливой вам дороги. Передавайте привет Еркену, Бауржану. На следующий год ждём непременно вас в гости. Еркен встретит вас по приезду.

² Спасибо, внучок. Иди уже, Шингыс, теперь я сама справлюсь. Да и Сакен поможет, если что. Он уже джигитом стал.

³ Дорогу! Дорогу!

⁴ Кушать будешь, Сакен?

⁵ К а з ы — конская колбаса.

⁶ Иди к столу, парень!

⁷ Достархан — праздничный стол.

⁸ О девушке думаешь?

Красное рассерженное солнце клонилось к горизонту, наполняя ярко-розовым светом чашу Голубого залива, окаймлённого зелёной бахромой елового леса. На входе в залив, у самой кромки воды, вздыбилась вверх свою драконью голову скала Окжетпес и дальше, вспарывая зелёное покрывало крон деревьев позвонками-скалами, тянулось его могучее драконье тело хребтом Жеке-Батыра.

Сергей с Аней сидели на теплой лысине скального выступа, ещё хранившего энергию палящего южного светила.

— А ты слышал, как появилось Боровое? — внезапно спросила девушка, нарушив гармонию тишины.

Её голос отчего-то показался ему строгим, раньше он не знал его таким. Аня эффектно откинула прядь волос со лба, удивлённо, с вызовом посмотрела на Сергея. Насмешливые морщинки в уголках рта не шли этому красивому нежному лицу. Стройная, легкая, она мало походила на своих степных сородичей, лишь чуть выпирающие высокие скулы и черные густые волосы были напоминанием о её предках.

Сергей безразлично пожал плечами в ответ. Ему не хотелось сейчас разговаривать. Здесь, на скале, с высоты птичьего полёта он любовался открывшимся видом, от такой красоты захватывало дух. Сергей наслаждался летним вечерним ветерком, приятно обдувающим тело. После тяжелого подъема на скалу по такой жаре тело просило покоя.

Он поудобнее расположился, с удовольствием вытянув ноги, и загляделся на подругу. Ее миндалевидные зеленые глаза жадно всматривались в даль, словно пытаясь что-то разглядеть в темных контурах крон деревьев на другой стороне, маленький упрямый носик по-детски подрагивал. Девичий, почти родной уже голос звенел ручейком.

— Легенда гласит, — строго, по-учительски взглянув на него, торжественно начала Аня, — что, когда Аллах обделил казахов природой и по скупости не захотел расстаться с теми красотами, что еще остались у него, на помощь народу пришел сказочный герой, балагур и весельчак, безбородый насмешник Алдар-Косе. Предложил он Всемогущему поиграть с ним в прятки, а чтобы было где прятаться в голой степи, попросил у Аллаха маленькую горку. Тот, шутя, насыпал на голом месте холм, который и поныне называется «Букпа», что означает — «прятаться». В разгар игры Алдар-Косе незаметно проделал в коржуне Аллаха дырку, и по степи из мешка рассыпались остатки гор, лесов и родников. Кстати, этот хребет, — она указала на «драконье» тело напротив них, — так и называется Спящий Богатырь.

— Думаешь, это и есть Алдар-Косе? — с сомнением спросил Сергей.

— Почему нет? Очень красивая легенда. Вдруг он сейчас очнётся ото сна?! — Она театрально скривила гримасу, должно быть, выразившую страх.

— А по мне — это дракон или динозавр какой-нибудь. Смотри: вот там — туловище, а это, у самой воды, — голова. Прилёт он воды испить, да так козлёночком и остался, окаменел то есть. — Вспомнив про воду, Сергей потянул к себе рюкзак и вытащил из него бутылку минералки.

— И вовсе это не голова, — Аня обиженно надула губки и скрестила руки на груди, — ничего-то ты не понимаешь! Здесь девушка одна погибла, очень давно...

— Как же её звали? — глотнув воды, с иронией в голосе перебил ее Сергей. — Случайно не твоим именем? У тебя очень красивое имя — королевское, — он не хотел, чтобы она сейчас вот так просто обиделась, и, набрав полные лёгкие воздухом, приложив ко рту ладони, протяжно выкрикнул: «Анна!!!»

Они оба прислушались к ускользящему в скалах эху, что пыталось спрятать в разломах каменных пород уже ставшее дорогим его сердцу имя.

— Дурачок, вот услышат тренеры — влетит нам обоим. У нас уже отбой давно. — И, не удержавшись, Анна поспешно поцеловала Сергея в щёку. Отворачиваясь от ветра, она повернулась к нему спиной, он обнял её за плечи. — Видишь, у подножия скалы из воды возвышается ещё одна скала, похожая на сфинкса? — шепотом спросила девушка.

— Конечно, вижу! С берега она выглядит как голова старухи, — по-доброму подтрунивал Сергей над романтической барышней.

— Слушай, а то не скажу, — поджав губы, Аня легонько ущипнула его за бедро. — В этих местах давным-давно кочевал средний жуз, — таинственно начала она, будто сказку рассказывала. — Покоя не было казахам от набегов калмыков, монголов и джунгар. Угоняли скот, людей обращали в рабство. Во время одного из набегов казахскому хану со своими батырами удалось одержать победу над войском калмыков. В плен, кроме богатых трофеев, попала красавица калмычка. Всё войско его будто с ума посходило. Каждый джигит мечтал взять её в жены, но она ни за кого не хотела идти. Тогда, чтобы прекратить распри между воинами, хан приказал ей самой выбрать достойного батыра. Калмычка взобралась на ту скалу, что напротив нас, и сказала воинам: чья стрела долетит до вершины, тот и будет обладать её сердцем. Ни одна стрела так и не долетела до цели. Красавица знала, что хан не простит её за эту хитрость, и, чтобы остаться свободной, сбросилась с вершины в озеро. Как раз на месте её гибели и появился этот сфинкс. — Аня многозначительно замолчала.

— Откуда ты это всё знаешь, все эти байки? — Сергей развернул её к себе лицом.

— Секрет! — вкрадчиво прошептала Аня, кокетливо прищурив глаза. — А сейчас нам пора в санаторий, — внезапно скороговоркой выпалила она, — не

хочу получить нагоняя от тренера. Когда он узнал, что заселяются пловцы, то взял от дверей ключи и ближе к полуночи будет проверять, все ли на месте.

Она улыбнулась и снова поцеловала Сергея.

Всю обратную дорогу они молчали, каждый думал о своём. Уже в санатории, в приглушённом свете коридора, чмокнув его в щёку, девушка сказала ему на ухо:

— И, между прочим, на старуху тот сфинкс похож только с восточной стороны, а если немного пройти по берегу, то на красавицу калмычку.

— И, между прочим, — шутя, передразнил он её, — не свобода ей была нужна. Просто калмычка не хотела превращаться в дряхлую старуху.

На прощанье Аня погрозила ему кулачком и пошла в свою комнату, а утром спортсменов развезли по тренировочным базам...

Дальше в памяти скорым поездом промолотили по рельсам времени десять лет, сбивчиво выстукивая рваный ритм беспокойных девяностых. Грянула перестройка, развал Союза... Новое время, новые условия ломали человека, как щепку. Дороги, километры, границы, города... Аэропорты, вокзалы, карты дорог перелётами, переездами разметили жизнь. Новые места, новые люди проходили стеной, как поток пассажиров по перрону, они совсем рядом — протяни лишь руку: «Привет, человек!», но он, даже случайно задев рукавом, лишь удивленно и опасливо отпрянет от чужака и вольется в привычную массу знакомых лиц. Само время порой выживало из тесного пространства жизни близких людей, ставя перед человеком одну задачу — выжить.

И в один момент то, ради чего он, Сергей Батько, жил, рухнуло бесповоротно. Как-то после утомительного дня тренировок тренер, дрожащей ладонью потирая лысину и опуская глаза, смущенно выдавил:

— Всё, Серёга, у нас с тобой последние сборы в этом году. У казахской Федерации нет денег и, наверное, уже не будет. Понимаешь, сейчас у всех такая ситуация, во всех видах спорта. Я с борцами говорил — у них то же самое. Перестройка, мать её! — ругнулся сквозь зубы он. — С нас... С тебя снимают питание. — Он виновато отвёл взгляд в сторону.

Сергей сразу толком и не понял. В бассейне было шумно — у кролистов всюду шли «прикидки» после изнурительных нагрузок — плыли на время «полтинник».

— Как, Геннадий Николаевич?! — почти прокричал Сергей.

— Вот так! — Тренер досадливо махнул рукой. — Всё прахом, все твои рекорды теперь до лампочки!

— А как же чемпионат? — только и смог выговорить ошарашенный этой новостью Сергей. Он ещё не верил в случившееся. — Вы же говорили...

— Что я говорил?! — сорвался на крик тренер, перекрывая шум стартов, но сразу осёкся: — Изви-

ни, ты здесь ни при чём. — Он по-отечески обнял его за плечи. — Хочешь — оставайся у Кузьмича в бригаде с кролистами. — Он кивнул на длинную, сутулую фигуру в костюме с надписью «СССР» на спине. Кузьмич носился с секундомером вдоль бортика бассейна, подгонял плывущего по дорожке Мишку, Серёгиного друга. — Кузьмич не против — я говорил с ним о тебе... Конечно, до тех пор, пока их не вызовут в Москву. Мишка отобрался в сборную СССР, а вот нам с тобой чутка не хватило. — Он наконец обреченно взглянул Сергею в глаза. — Мне семью кормить надо, понимаешь?.. — его голос дрогнул.

Лишь теперь Батько осознал всю серьезность ситуации. Всё, к чему он стремился всю жизнь, оказалось вдруг растёртым об асфальт, как плевок. Что же теперь делать?! С чем он остался? Без профессии, с образованием — десять классов, без надежды на спортивное будущее... Сергей оторопело стоял у бортика бассейна, рассеянно глядя на солнечные блики, озорно прыгающие по прозрачным голубоватым волнам, набегавшим и гаснувшим в хитросплетениях пластика поплавок плавательной дорожки. Все его планы, надежды вдруг в одночасье лопнули, разбились о череду обстоятельств, перед которыми он оказался бессилён. Воспитанный в спорте полностью отдавать себя для достижения поставленной цели, он осознавал: что бы он сейчас ни предпринял — изменить ситуацию ему не удастся. Обстоятельства сковывали по рукам и ногам — теперь сама жизнь другая, такая, которой он не знал.

— Ничего, Серёга, прорвёмся. — Тренер потряс его за плечо и вывел из оцепенения. Он подмигнул: — Я тут вышел на канал один — кассеты, винилы, видео... На вот на память, мастер. — Он протянул небольшой бумажный конверт с пластинкой. На его лицевой стороне, на ленте из фотокадров гримасничала четвёрка молодых людей. Сергей безразлично посмотрел на винил, поначалу даже не узнал своих кумиров. — Я знаю: твой любимый битловский альбом — «Вечер трудного дня».

Тренер ещё раз похлопал его по плечу и ушёл в тренерскую.

В бассейне Батько больше не появлялся. Попробовал торговать на рынке. Со временем он тоже «вышел на канал один» — то были итальянские кухонные комбайны. Составляющие комбайнов шли по бартеру на КМК (Карагандинский металлургический комбинат), там в одном неприметном здании они обретали форму мечты всех хозяек — упаковывались в цветастые коробки с магической надписью «Made in Italy». Часть их уходила «налево» и таким образом попадала к Сергею. К тому времени методом проб и ошибок он уже понял, что не всё и не везде можно продать. Это в совдепе с тотальным дефицитом на полках по всякому поводу стояли очереди.

Рынок начала девяностых — дело стихийное. И, как во всяком рисковом деле, без чутья и определённой доли везения в нём не обойтись. И того, и другого у Сергея было поровну и всегда чего-то недоставало. Но потом вроде «попёрло» — кухонные комбайны были в цене. Накопив солидную сумму денег, он привёз приличную партию из тридцати штук в Алма-Ату.

Центральный рынок в городе «Яблоко» — растревоженный пчелиный улей. Какого добра там только не было! Кого за прилавком только не встретишь! Толпы людей, взбудораженных лихорадкой, именуемой «купля-продажа», снуют от блестящих иномарок к скотному двору с притихшими, сбившимися в испуганную стайку агнцами, затем — к коврам на любой вкус, полкам с книгами, радиотоварами, видеоаппаратурой, наконец — к турецким шмоткам. Бредёт гуськом растерянный народ между рядами не виданного, недоступного раньше изобилия.

Сверху, соревнуясь в громкости, из динамиков льются на головы оглушённого малахольного люда хит-парады попсы, шансона, иногда разбавляет эту истерию звука напевная домбра, совсем редко, как диковина, звучит классика. Отовсюду — разноязычный гомон. Китайцы, чеченцы, русские, казахи, азербайджанцы, корейцы, уйгуры, цыгане... В этой клокочущей страстями массе людей между маститыми торгашами, покупателями и просто зеваками снуют карманники, продавцы мумиё, чебуреков, «Гербалайфа», порножурналов, баллончиков со слезоточивым газом и ещё бог весть чего.

Сергей давно изучил рынок. Знал, по каким правилам здесь живут. Исправно платил администрации рынка за место, бандитам — за то, чтобы не лишиться товара. Одному не выстоять, а жаловаться некому. Менты, как Моцарт или Чайковский из динамиков, появлялись здесь крайне редко. Видимо, чтобы тоже не раздражать граждан. Да и вообще, бесполезное это дело — менты же и «крышевали» бандитов.

В один из привычных базарных дней, как обычно, работая на точке, Сергей услышал:

— Серёга, салам! — по ту сторону прилавка щерилась золотом зубов краснощёкая рожа со сломанными ушами и перебитым носом.

— Салам-пополам, Нурлан. — Сергей натянуто улыбнулся казаху, пожал небрежно сунутую руку.

— Какими судьбами, братишке? — играя мышцами под тесной футболкой, тот уселся на прилавок, бесцеремонно сдвинув соседский товар с видеоаппаратурой. — Падвинся, э! — начальственно бросил он корейцу — хозяину товара.

— Слушай, ни один собака на рынок нет. Ты, Серёга, к корейцам не ходи, у казахов шашлык-машлык кушай, — говорил он громко, словно стараясь задеть своими словами корейца — продавца видео. — Казах шашлык из настоящий баранина делает, — он с издёвкой посмотрел на корейца, — собак не едим.

Кореец и на это промолчал.

Нурлан ещё с полминуты цеплялся раскосыми глазами за соседа с видиками, потом презрительно хмыкнул и развернулся к Сергею:

— Твой комбайн?

Сергей кивнул. Он и раньше видел на рынке своих давних знакомых по службе в СКА. Обходил их стороной — знал, чем теперь занимаются. Слышал, что держат рынок бывшие борцы, а бригадиром у них — небезызвестный в криминальном мире Касым.

— Э, Андрей, помнишь Серёгу Батько? — Нурлан обратился к качку, внезапно появившемуся у прилавка как из-под земли.

Тот, ловко перебирая пальцами, отсчитывал деньги, только что полученные от корейца.

— Конечно, помню, — не поднимая глаз от разноцветных купюр, хмуро отозвался качок. — Он ещё Ербола отметелил в казарме — не хотел стирать его ПШ¹. Тьфу, сбился! Не отвлекай меня!

— У тебя хорош удар, Серёга! — Нурлан по-приятельски обнял его за плечи. — Хорош быть барыга. Э, семешек дай, пожалуйста, — он ухватил за рукав проходившего мимо паренька-казаха с кульками подсолнечника, грубо притянул его к себе, выхватил кулёк из лотка.

— *Рамет*, братка, — чо стаишь? Иди работай, — расплылся он в наглой улыбке, давая понять, что денег продавцу не видать. — Иди к нам, к братве, в бригаду, — сплёвывая кожуру прямо на прилавок, доверительно говорил Нурлан Сергею. — Эти мамбеты совсем обнаглел. Вчера к наш ларёк один подошёл. Говорит продавцу: «Мен — рекет, денег давай!» Хорошо, мы рядом был, — он потер ладонью бритый затылок. — «Откуда ты, братишке? — спрашиваю. — С какого аула? Где ишак твой спрятал?» — Сальная морда раскраснелась, покрылась капельками пота. Говорю ему: «Рекет — плохо, *мен* — судья Дредд наказывать тебе буду!» Поссорились мы с ним. — Как доказательство этого он сунул в лицо Сергею сбитый кулак.

— Э, «Судья Дредд» видео-шмидио сматрел? — он повернулся к корейцу. Тот изо всех сил делал вид, что не услышал вопрос, было лишь заметно, как на его вспыхнувшем румянцем лице заходили желваки.

— Секес есть? — Бандит, выхватив из стопки видеокассету, покрутил её в руках и небрежно шмякнул на прилавок.

Кореец хранил молчание.

— Э, — досадливо махнул рукой Нурлан, — не понимает русский — индеец, наверно, Гойко Митич. — Он довольно заржал.

Казах приобнял Сергея за плечи:

¹ ПШ — зимнее полушерстяное армейское обмундирование советского образца.

— Мы из тебе, Серёга, человек сделаем! У нас бригадир Касым — слышал?! — не без гордости заявил Нурлан. — Айда к нам в бригаду! — Он хлопнул его по плечу.

— Слышал, — сдавленно отозвался Сергей, — такое слово хорошее испоганено — «бригада», — как бы между прочим сказал он.

Борец замолчал, смерил Сергея взглядом, потом стопку из комбайнов, словно что-то прикидывая в уме.

— Умный, да? — Нурлан спрыгнул с прилавка, отряхнул спортивные штаны. — Андрюха, сколько у нас умные платят?

— Двойную ставку, гы-гы-гы, — довольно отозвался Андрюха и заржал.

— Камбайн хорошо идёт — отобьёшь пока тенге. Я тебе предложил к нам, Серёга. Время ещё есть, потом поздно будет. — Он глянул на наручные часы с усыпанным блестяшками золотистым корпусом, театрально покачал головой, зацокал языком, недобро глянул на Сергея. — Не-а, не успеешь, — и пошёл дальше вдоль прилавков.

— Как договаривались, двойная такса! — на Сергея выжидающе уставилась рожа Андрея со свинными недобрыми глазками и сломанным носом. Пришлось отсчитать двойную таксу.

После их разговора с Нурланом прошло полчаса. Комбайны действительно шли неплохо, и всё же Сергей подумывал свернуть торговлю — бандиты просто так словами не разбрасываются. С другой стороны, жаль деньги, что уплатил, и потом торчать в Алма-Ате почти неделю, до следующего базарного дня, не было резона — у него была договорённость на следующую партию комбайнов, не хотел потерять с таким трудом приобретённые связи.

У Сергея на душе было тревожно — дурные предчувствия, неприятно ныло в груди, но он гнал эти мысли подальше, потому и не придавал значения нескольким глухим выбухам, прозвучавшим где-то в северной части рынка, которые сразу поглотил шум базара, будто и не было их вовсе. В следующие минуты всё изменилось. Сергей не сразу разобрал, что за шум доносится издали. Приближаясь, гул стремительно нарастал.словно выпущенный в кегельбане шар, катил на него страх, сметая всё на своём пути волной всепоглощающего животного ужаса. В этом наполненном хаосом жутком форте были различимы вопли женщин, стоны раненых, крики о помощи, скрежет металла, беспощадный, слепой топот тысяч ног. На Сергея неслась огромная толпа с обезумевшими, потерявшими человеческий облик лицами. Всё происходило как в замедленном кино. Мимо него уже мелькали первые «ласточки» погрома. Бросив товар, бежали продавцы с соседнего ряда. Высоко задрав одной рукой юбку, обнажив белые целлюлитные ляжки, с воплем пронеслась смертель-

ным болидом толстая баба. В другой руке она волокла весомых размеров баул. По-спортивному, с отягощением, с удивительной для её комплекции лёгкостью она брала один барьер за другим. Вот, вскакивая на прилавок, она зацепилась сумкой за стойку, рухнула на асфальт и, кинув изорванный баул с вываливающимися из зияющей дыры джинсами, помчалась дальше. Пребывая в каком-то ступоре, Батько наблюдал, как на него надвигается серая человеческая масса. Кто-то толкнул его, перепрыгивая прилавок. Сергей будто пришёл в себя. Невидимая звериная лапа, дотянувшись, больно стиснула сердце, стихли все чувства, помыслы, его опустевшее нутро наполнилось безотчётным, ослепляющим страхом. Позабыв обо всём на свете, Сергей неся бок о бок с другими людьми, охваченными, как и он, паникой. Подгоняя толпу вперёд, гудело человеческое стадо, дыша в спину. Кажется, Сергей тоже что-то кричал...

Как только милиция сняла оцепление с места происшествия, пришедшие в себя люди кинулись к своим лоткам. Сергей шёл мимо всхлипывающих женщин, плачущих детей, потрёпанных мужчин. Кое-где были видны следы крови, повсюду валялся опрокинутый товар. Продавцы, вернувшиеся к своим местам, спасали оставшееся после погрома. Скулила толстая баба, ползая под прилавком в поисках своих джинсов.

Когда волна паники стихла, выяснилось, что в северной части рынка кто-то перекинул через забор на территорию шумовые гранаты. Потом, когда схлынул со своих мест перепуганный народ, менты выставили оцепление. А дальше до банального просто: бандиты прошлись по опустевшим лоткам, собрали самый ценный товар.

Сергей стоял возле своего разоренного торгового места. Рядом, прямо в пыли, в изодранной футболке сидел кореец, его сосед. Он закрывал лицо руками. Его худые плечи мелко тряслись.

Этот случай надолго отбил у Сергея желание торговать, но делать было нечего — нужно было как-то зарабатывать на жизнь, и он снова начал с нуля: жвачки, сухие напитки «Юпи», зубная паста...

Позже он скооперировался с ребятами-пловцами, как и он, оставшимися не у дел. На долевого основе закупили в Москве или Питере масло, наняли фуру, и Сергей сопровождал товар в Алма-Ату. И снова дорога, гаишники с протянутой рукой, записки-малывы, которыми снабжали его братки после платы за проезд для своих дружков-бандитов, что стерегли трассу. Таможня, снова взятки, теперь уже на казахской стороне. Однажды Сергей едва не замёрз в степи — лютая зима выпала, заглохла машина посреди белой казахской стыни. В другой раз их фура еле ушла из-под обстрела бандитов... Насмотрелся он тогда в эти годы, узнал, почём фунт лиха.

С Аней все эти годы встречались редко, урывками, в промежутках между поездками за товаром. Пригнал как-то из Москвы очередную фуру с «Воймиксом», Сергей сразу заметил — что-то не так. Аня все время оказывалась загруженной «неотложными делами», куда-то вечно спешила, с кем-то встречалась, домой возвращалась поздно, неохотно говорила по телефону и, как могла, долго оттягивала их встречу. Но стоило позвать ее в Тянь-шаньские горы, на Хан-Тенгри, так сразу согласилась, узнав, что Димка Семёнов тоже едет на пару дней. Друзья собирались обмыть новенький, только что пригнанный из Шаржи Димкин «Крузер» — отец-фирмач старался сыну ни в чем не отказывать. Димка был счастлив, к тому же уже всерьез подумывал о переезде на ПМЖ в Германию.

— Я так давно не была на Хан-Тенгри! — сказала тогда Аня даже как будто с радостью.

Согретый надеждой, что между ними всё налаживается, Сергей паковал рюкзак.

Под утро с искрящейся вечным льдом пирамидальной верхушки Хан-Тенгри беспощадное солнце теснило к подножию Небесных гор Тянь-Шаня клубы тумана. Он стекал молочной кисеей в зелёную долину с раскиданными по ней зелёными тряпицами озёр.

«Мы живём на облаке!» — прокричала Аня, высунувшись из палатки. Распустив густые иссиня-чёрные волосы, вскинув руки к небу, должно быть, как и тысячу лет назад её тюркские предки, вприпрыжку, будто вольная кобылица, она побежала в морось тумана на шум горной реки — умываться.

Ближе к полудню туман рассеялся. В долине, радуясь солнечному дню, искрились голубовато-зелёным донным светом глазницы озёр. Когда вся компания наконец за завтраком собралась у костра, Аня протянула Димке плошку с овсяной кашей. Наигранно уставившись на сверкающий опаловым блеском пик, с дурашливым пафосом нараспев произнесла:

— О, Тенгри, верховное божество верхней зоны мира, устроитель мира вместе с богиней Умай и Эрликом! Представители судеб людей, распределители срока жизни, примите этот дар от недостойных! — И ложка овсянки шлепнулась в костёр.

Аня, довольная собой, звонко рассмеялась, озорно поглядывая на Сергея. Её тёмно-зеленые глаза кокетливо вспыхивали светом радости и, как ему показалось, любовью, будто и не было между ними той прохладной недосказанности.

Ближе к вечеру Сергей наконец набрался храбрости. Димка уже ушел спать в палатку. Темное небо бархатным покровом опустилось на Хан-Тенгри. Аня и Сергей лежали у костра и смотрели, как искры взлетали в небо и, на мгновение застыв, таяли среди звёзд, огромных и ярких, — таких на равнине не увидишь. Шепотом, словно эти подглядывающие за ни-

ми звёзды могли подслушать, стараясь скрыть легкое волнение, Сергей спросил у девушки:

— Ты выйдешь за меня?

Аня промолчала, будто не услышала вопрос. Потом она приподнялась на предплечье, как-то наигранно закинула голову набок, тряхнув копной волос, и начала:

— Знаешь, мне кажется, что, если долго вглядываться в одну точку на небе, можно увидеть стратосферу, — её голос был печальным и таинственным, будто она собралась рассказывать очередную легенду.

Сергей закрыл лицо ладонями, будто прикрываясь от света пламени костра.

— Ты не ответила мне, — резко на выдохе вырвалось у него.

— Я не отвечу! — выпалила Аня, вскочила и, подхватив с земли войлочную подстилку, на которой лежала, побежала в палатку.

Сергею показалось, что это небо вместе со звездами удушливым ватным одеялом накрыло его, придавив к земле. Ему стало тяжело дышать, его всего потряхивало в такт биению сердца. Он чувствовал себя одним большим сердцем, которое только что оказалось ненужным. В голове было пусто, он не мог ни думать, ни уснуть. Неподвижно пролежав всю ночь у костра на скале, Сергей так и не сомкнул глаз, он слушал стук своего сердца, иногда ему казалось, что до него доносится шум реки и чей-то тихий плач — то ли человека, то ли ночного зверя.

Утром начался затяжной мелкий дождь, ребята по-быстрому собрались и уехали в город. Замутнённые райки озёр слезливым взглядом смотрели им вслед, будто провожали навсегда.

Скоро Сергей узнал, что Аня вышла замуж за его друга Димку Семёнова. Ему казалось, что он хорошо знал Аню, и почему-то у него была уверенность, что она его любит. А может, все-таки нет?.. Десять лет встреч и разлук, десять лет попыток встать на ноги ради их будущего стали ничем, будто кто-то скомкал отрезок жизни Сергея, закатав его в маленький бумажный шарик, и швырнул в мусорницу. Больше его уже ничто не держало в Республике Казахстан...

3

В вагоне было по-прежнему душно. Проводник в голубой форменной рубашке, плотно облегающей солидных размеров живот, синих спортивных тапочках на босу ногу внимательно, как гаишник, проверяющий документы нерадивого водителя, вчитывался в проездной билет. Иногда он вскидывал голову, подозрительно изучая лисьими глазами лицо пассажира, будто сличал фотографию на паспорте с оригиналом. Наконец, чуть разочарованно вздохнув, надорвал край, свернул билет до размеров маленького прямоугольника, раскрыл брезентовый планшет и

сунул в кармашек с номером места в вагоне. Проводник поднялся с диванчика, по-хозяйски на всякий случай огляделся в купе.

— К вам ещё один сосед будет, — сказал он и высунул круглое скуластое лицо в проход вагона. Там, переминаясь с ноги на ногу, стояла группа молодых парней — казахов.

— Э, иди сюда! — подозвал проводник одного из кучки джигитов. — Нет, не ты! Сказал, падайди ка мне! Что, ни бельмеса ни панимаишь? Я тебе по-русски говорю. Да, ты!

Выглядело это комично, так как говорил он с акцентом, ломая звуки. К нему подошёл высокий худощавый казах с кривоватыми, по-кавалеристски выгнутыми ногами.

— Вон место. — Проводник указал на свободную от багажа третью полку.

— Почему на третий полка? Я полный билет платил! — Парень с возмущением кивнул на оттопыренный карман рубашки проводника.

— Э, молодой ещё указывать тут! — Проводник недобрым взглядом смерил джигита. — Вон сухой, как сайгак, — допрыгнешь!

— *Мейлі осы орыс үш сәреге деген барады, ал мен — оның жеріне жатамын*¹, — понизив голос, сменил тактику длинный, одними глазами указав на Сергея.

— *Бас оның билет дейін Мәскеудің*², — в тон ему ответил проводник.

— *Не ана? Ол қазір біздің жерімізде! Мен тағы теңгені алып беремін*³, — настаивал парень.

Майор, видимо, уловив суть разговора, скинул туфли, юркнул к себе на полку и, накрывшись простыней, повернулся к стенке. Неизвестно, чем бы закончились для Сергея эти переговоры, если бы не вмешалась апа.

— *Кім сені — қасқыр асыралды? Қайда сенің қонақжайлылығыңның? Қайда сенің бетіңнің? Базарда сатты, шайтан*⁴ — пожилая женщина говорила горячо, в ее голосе звучали гневные нотки, словно в такт словам она постукивала маленьким сухоньким кулачком по столу.

От этих слов молодой казах ссутулился, как-то даже наклонился, став похожим на согнутый под ударом молотка в бетонную стену гвоздь. Без разговоров он полез на указанную ему полку под самой крышей вагона.

— *Кейін*⁵ поговорим, — шепнул ему в спину проводник.

Когда тот собрался было уже выйти из купе, апа кликнула:

— Я знаю тебя. Ты Кадыр, сын Султанбека из Аксая. *Сен гой из кіші жуза? Рудан — Кетеден*⁶

Проводник вздрогнул, обернулся и вцепился глазами в старушку.

— *Бас сенің абадан отбасы. Как әкенің денсаулығының? Как инженердің Барсукованың денсаулығы? Ол мәртебелі қонақпен соң достарханом сенің апалы-сіңліліңнің тойында Гузель болды. Оны ұмытпайсың? Ал Курмановых ұмытпайсың?*⁷ — сказала женщина властно, даже чуть высокомерно, как говорит старший чин с младшим, её скуластое лицо при этом стало жёстким, как высохший в степи саксаул.

— Все живы, все здоровы, слава Аллаху, — физиономия проводника светилась баурсаком⁸, смазанным мёдом, как для застолья на весенний праздник Рамадан. — *Мен сендерге шайды әкелемін, абадан*⁹. Индийский — «Три слона».

— Матрас принеси! — недовольно донеслось с третьей полки.

— Э, лежи там! Позвоночник крепляй. Программа «Здоровье» смотришь? А то оштрафую как безбилетника. — Он хихикнул, довольный своей шуткой.

— Всё хорошо, спи на свой полка, я из старшего жуза¹⁰, — с особой уверенностью и даже гордостью в голосе сказала женщина ничего не понявшему из разговора Сергею. — Что этот перестройка думает? Какой люди стал! — Она зацокала языком. — Скоря молодёжь совсем уважать не будет стариков. Все уезжают Казахстан: русский, чечен, немец... Что, степь стала короче? — Она повысила голос, сердито глянув на третью полку. — Раньше гордились знакомствам русским, теперь... — Апа с досадой махнула худенькой ладонью и, блеснув глазами, виновато улыбнулась Сергею: — Айда, ешь давай.

Чай «заботливый» проводник принёс всем, включая Сергея. После «Трёх слонов» стало ещё жарче. Сергей вышел в тамбур глотнуть свежего воздуха. По счастью, там не было накурено. Он встал у двери. Сквозь грязные разводы на стекле он смотрел на нерадостный пейзаж размытых весенним половодьем дорог, заброшенных скотников с выбитыми окнами. Сергей Батько уезжал в Россию, в Карелию. Уезжал навсегда.

«Тудух-тудух» отстукивали колёса вагона, пролетали мимо столбы электропередач. Станция осталась далеко позади. За окном теперь расстилалась жёлто-зелёным ковром бескрайняя степь. Цвел ковыль, кое-где под лучами жаркого майского солнца

⁶ Ты ведь из младшего жуза? Из рода Кете?

⁷ У тебя уважаемая семья. Как здоровье отца? Как здоровье инженера Барсукова? Он был почётным гостем за достарханом на свадьбе твоей сестры Гузель. Помнишь его? А Курмановых помнишь?

⁸ Баурсак — традиционное блюдо кочевников, типа пончиков.

⁹ Я вам чай принесу, уважаемая.

¹⁰ Жуз — исторически сложившееся объединение казахов.

¹ Пусть этот русский идёт на третью полку, а я на его место лягу.

² У него билет до Москвы.

³ Что с того? Он сейчас на нашей земле! Я дам ещё тенге.

⁴ Кто тебя воспитывал? Волчица? Где твоё гостеприимство? Где твоя совесть? На рынке продал, шайтан?

⁵ Потом.